

ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ «ВСЕЛЕННАЯ ЭЛДЕРЛИНГОВ» Р. ХОББ)

Е. В. Шелестюк¹, И. П. Киль²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Костанайский филиал, Костанай, Казахстан

Обсуждаются проблемы имплицитности текстов жанра фэнтези и перевода имплицитных смыслов в этих текстах. Нас интересуют языковой и речевой уровни анализа имплицитного содержания оригинала и перевода, мы изучаем отдельные, хотя и ключевые символические единицы текста. Непосредственно в данной статье исследуются импликации «говорящих имен», имен символических абстрактных понятий, поэтических вставок и общесмысловых высказываний. Такой подход оправдан в связи со стремлением текстов фэнтези, носящих притчевый, аллегорико-символический, мифологический характер, к «свертке смыслов» и обусловленной ею символизации. Многие языковые и речевые единицы жанра фэнтези отвечают признакам символа: многоярусность, многосмысленность, архетипичность, метафоричность/метонимичность, стереотипность культурных значений, анагогичность как связь с высшими смыслами, эзотеричность и т. д. Наряду с имплицитным смыслом указанных единиц в оригинале изучаются принципы перевода импликаций, оцениваются конкретные переводы в сравнении с оригиналами.

Ключевые слова: *имплицитность, импликатура, имплицитный смысл, свертка смысла, символизация, моделирование образа мира.*

Проблема имплицитности актуальна для различных наук — психолингвистики, философии, логики, психологии и, безусловно, языкознания. Объектом нашего исследования является имплицитное содержание текста жанра фэнтези. Материал составили художественные произведения: две части фантазийной трилогии «Вселенная Элдерлингов» — «Сага о Видящих» и «Сага о Шуте и Убийце» американской писательницы Робин Хобб, а также переводы этих произведений Марией Юнгер, В. А. Гольдичем, И. А. Оганесовой, Марией Семеновой.

Стоит отметить, что произведения такого рода — распространенное чтение подростков и юношества, интересом к ним со стороны молодого поколения и выражаемым ими идеям обусловлен выбор нами материала исследования. В произведениях этого жанра можно встретить элементы фантастики, эпоса, сказаний и мифов, многочисленные аллюзии. Картина мира жанра фэнтези отражает вымышленную, несуществующую реальность, включающую фантастические, сказочные, чудесные, мифологические компоненты. На правилах вымышленного мира основаны и действия героев [4].

Что касается предмета исследования, то в данной статье мы ограничимся языковым (преимущественно лексико-фразеологическим) и речевым уровнями анализа имплицитного содержания ори-

гинала и перевода, то есть изучением отдельных, хотя и ключевых в связи с их символическим характером, единиц текста. Тем не менее этот анализ предполагает моделирование образа (картины) мира автора, его пресуппозиций и парадигматического контекста (по Ц. Тодорову), учет текстовых импликаций и инференций из текста, а также выведение отдельных имплицитных смыслов, импликатур, подтекстов, неявных содержательно-смысловых конструкторов текста. Существенно, что мы сравниваем смыслы соответствующих единиц в оригинале и переводе.

Цель исследования — проанализировать скрытые смыслы и имплицитные элементы содержания текста жанра фэнтези, апробируя такие методы, как моделирование авторского замысла, вычленение символических смыслов и импликатур, а также сравнить соответствующие имплицитные единицы в оригинале и переводе на предмет совпадения и различия.

Методологическую базу исследования имплицитности составляют работы, авторами которых являются И. В. Арнольд, В. В. Виноградов, Г. Г. Молчанова, К. А. Долинин, Л. А. Исаева, Г. В. Колшанский, А. А. Леонтьев, Л. А. Нефедова, М. В. Никитин, Л. В. Щерба и др. С нашей точки зрения, наиболее системную методологию изуче-

ния имплицитности предоставляет лингвистика текста в части когнитивного моделирования образа мира и замысла автора [10], а также в части вычленения текстовых импликатур [12; 14]. Основными методами исследования имплицитности являются герменевтико-семиотический анализ имплицитных смыслов единиц (от уровня фонем/графем до сложного синтаксического целого) через изучение синтагматического и парадигматического контекстов их реализации [20]; моделирование авторского образа мира; анализ пресуппозиций, импликаций, инференций из единиц текста, а также в ряде случаев более общих импликатур. Теоретическую основу сопоставления реализации имплицитного смысла в оригинале и его переводе на другой язык составляют работы А. В. Кашичкина, А. В. Невинной.

Гипотеза заключается в том, что внимательное изучение композиционной структуры произведения позволяет уяснить авторский образ мира, понять и правильно перевести имплицитные смыслы произведения. Иначе говоря, детальное изучение структуры текста помогает воссоздавать, моделировать авторские смыслы на микро- и макроструктурном уровнях художественного текста, осуществлять восприятие имплицитного содержания и его перевод более эффективно.

Теоретические аспекты имплицитности

Суть имплицитности состоит в том, что центральное место занимает подразумеваемое, а не представляемое явно в высказываниях и текстах. Имплицитность — это информация, для понимания которой требуются усилия реципиента, несводимые к сопоставлению лингвистических единиц и их значений (то есть к «распознаванию» явного смысла в тексте), но соответствующие «чтению между строк».

Исследование имплицитности осложняется тем, что имплицитные компоненты смыслового содержания в тексте до сих пор полностью не изучены и, главное, четко не классифицированы, причем в гуманитарных науках велик терминологический и концептуальный разнобой в описании имплицитного смысла [17]. В лингвистике имплицитность традиционно описывается такими терминами, как «подтекст» (затекст, интертекст, многоуровневый контекст), в логике — «пресуппозиции», «импликации», «инференции», в литературе — «скрытые смыслы», «символы», «аллегории», «идеи» и пр. [18].

А. В. Бондарко относит к имплицитным «семантические элементы, явно не выраженные в тексте, но при этом с легкостью определяемые с по-

мощью скрытно выраженных средств» [3. С. 25]. Другие лингвисты считают, что случаев невыраженного смысла в тексте не бывает. Например, Е. И. Шендельс полагает, что может быть «неярко выраженное значение смысла» [19. С. 34].

Существование имплицитности обусловлено принципом использования ограниченного количества языковых средств для выражения смысла, благодаря чему средства выражения неявного смысла в языковых и коммуникативно-речевых системах весьма богаты. В. В. Мартынов утверждает, что носители языка прибегают к сокращению высказываний, так как взаимопонимание нередко обеспечивается единством модели мира [11]. Имплицитность рассматривается как экономный способ отображения внеязыкового содержания, при котором в итоге прочной ассоциативной связи элементов ситуации название только одного из элементов является достаточным для того, чтобы представить всю ситуацию (В. Л. Медынская, [Цит. по: 12]).

Согласно Л. А. Нефедовой, восприятие имплицитного содержания можно представить как «поиск и обнаружение фреймов, идентифицируемых как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов. Терминалы фреймов в обычном своем состоянии заполнены так называемыми «заданиями отсутствия», то есть сведениями, которые необязательно должны быть представлены эксплицитно в какой-либо конкретной ситуации. Неверная подмена фреймов ведет к непониманию или неадекватной интерпретации языкового материала» [16].

В связных законченных текстах наиболее крупными, развернутыми компонентами (макрокомпонентами) скрытого смысла стоит признать текстовые импликатуры — отдельные топосы (общие тезисы), идеи, выводимые из текста в качестве выводов или складывающиеся из более мелких компонентов, например символических образов, деталей, прецедентных единиц, говорящих имен и прочего, объединенных тематически или референциально.

Согласно концепции А. В. Кашичкина, в понятие «имплицитная информация» входят пресуппозиция (фоновые знания), конкретно-контекстуальный смысл и импликатура [9]. Под пресуппозицией понимается фоновый семантический компонент, предварительно необходимый для выведения смысла текста. Конкретно-контекстуальный смысл связан с результатом интерпретации языкового содержания в конкретной ситуации общения. Импликатура,

в широком, а не только текстовом смысле слова, — вывод информативного содержания, информационного комплекса, отличающегося от языкового содержания или конкретно-контекстуального смысла. Под имплицативностью понимается теоретически возможное количество имплицатур, которые способен извлечь реципиент.

В лингвистике под импликацией понимаются как сам процесс вывода имплицатуры, так и конкретная единица подразумеваемого смысла. Вместе с тем к импликации в широком смысле допустимо отнесение любой лакуны информации. При этом импликация может быть намеренной или случайной, возникать на связях, которые являются узуральными или окказиональными, появляющимися только в определенной ситуации [8]. В последнем случае импликация становится результатом «игры означающих».

Причины имплицитности можно усмотреть, во-первых, в лингвистических особенностях языка. Например, английский язык изначально обладает значительной степенью имплицитности. Это можно наблюдать как в лексике, так и в синтаксисе: свойственная этому языку полисемия, нередко приводящая к амбивалентности, семантико-синтаксические стяжения (компрессия и эллиптичность), сочетания с перекомпонованными логическими звеньями, затрудняющие логические операции по их декодированию. Во-вторых, имплицитность происходит из размытости, неочевидности, проявляющейся в разнице восприятия и концептуализации информации, которые допускают значительные индивидуальные и межкультурные отличия. В-третьих, импликация появляется в виде дополнительного подразумеваемого смысла, который выходит из соотношения речевых единиц текста, сигнифициенции, «игры означающих». В-четвертых, импликация может реализоваться как дополнительное смысловое или эмоциональное содержание за счет нелинейных связей между единицами текста и паралингвистических средств, например графем, креолизации и т. д.

Имплицитный смысл выводится как из эксплицитно выраженного содержания, так и из определенного объема знаний об окружающем мире. Логический механизм имплицитного смысла становится явным для коммуникантов на основании реализующихся в контекстах причинно-следственных связей. Понять смысл многих высказываний представляется возможным только в той или иной коммуникативной ситуации высказывания, они не могут быть представлены вне нее.

Высказывания — это фразы, которые встроены в комплекс коммуникативного акта.

Многое зависит и от фоновых знаний (пресуппозиций) коммуникантов. Имплицитный смысл информации может быть выявлен и осознан реципиентом при помощи его собственных знаний, но немалую роль в этом играет и опыт, а также развитость интеллекта, умение угадывать и понимать скрытый смысл, делать выводы из информационных пропусков или замысловато выраженной информации.

Остановимся на лингвистических уровнях имплицитности. И. В. Арнольд выделяет виды имплицитности на разных уровнях языка: слова, словосочетания, предложения, сложного синтаксического целого, текста [1]. Мы расширяем уровневую классификацию имплицитности, считаем, что ее логично определять на языковом, речевом и текстовом уровнях. В число языковых способов ее выражения входят аттенциональные (привлекающие внимание) средства на разных уровнях языка¹. На речевом, коммуникативно-прагматическом уровне имплицитная информация выводится на уровне высказываний и сложных синтаксических целых, это подтекст, включая пресуппозиции как фоновые знания, импликации как явно не выраженные побочные (дополнительные) смыслы компонентов высказываний и инференции как невыраженные прямые выводы из высказываний в целом. На уровне же текста имплицитная информация проявляется в текстовых имплицатурах как тематико-идейных макросмыслах, которые можно моделировать как тезисы-силлогизмы, в которых antecedent соответствует эксплицитной, а consequent — имплицитной информации.

В концепции Г. Г. Молчановой, в создании имплицатур на уровне текста участвуют все типы системных отношений: синтагматический, прагматический, парадигматический, деривационный. При этом эксплицитный antecedent должен сочетаться с условиями аберрации «постулатов речевого

¹ Такие как фонеморфологические средства (звуковой символизм, уменьшительные суффиксы и т. д.), морфемы и слова с выраженной образностью, эмотивностью в денотате и ингерентными коннотациями (эмотивными, оценочными, экспрессивными, стилистическими), эвфемизмы, парафразы, неологизмы и архаизмы, тропы и фигуры речи, фразеологические обороты и идиомы, имена символов, говорящие имена собственные, аллюзии и прецедентные единицы, элементы языковой игры (каламбуры, оксимороны и пр.), стилистические и формально-композиционные приемы (например, «поток сознания»).

сотрудничества» П. Грайса: количества, качества, манеры и отношения [14].

Нарушение синтагматических системных отношений в линейной цепи текста приводит к нарушению постулата количества. При избыточности, разного рода повторах: фонетических (рифма, ритм, аллитерация), семантико-синтаксических (анафора, эпифора, рамка; параллелизм, хиазм), либо близких к повтору (градация, батос) — происходит усиление какого-либо признака в речевой цепи, побуждающее к многоуровневости его восприятия и к когнитивному поиску имплицитной информации. При недостаточности (эллипсисе, апозиопезисе, недосказанности, семантико-смысловых пропусках и т. п.) происходит когнитивный сбой, «смысловая дизъюнкция», также побуждающая к появлению эффекта имплицитности и постижению скрытого смысла.

Нарушение кооперативного постулата качества приводит к появлению в тексте имплицитов, связанных с парадигматическими отношениями, с осью выбора (по Р. Якобсону): метафора, гипербола, мейозис, а также энантиосемия, паронимическая аттракция, каламбур и др. Даже если говорящий старается выразиться объективно, выбор слов, осуществленный в его высказывании, «конструирование» содержания сообщения, средства передачи этого содержания интенциональны. Ось выбора способна существенно повлиять на качество сообщаемого, не отступив от объективности, но по-другому организовав реальность, что создает предпосылки для появления имплицитности.

Нарушение постулата манеры («говори последовательно, коротко, ясно») проявляется в художественном тексте на двух осях: на оси последовательности (синтагматики) — в плане нарушения сукцессивности следования логических блоков, что приводит к возникновению таких имплицитов, как ретроспекция, проспекция, произвольная аранжировка смысловых блоков, импликация предшествования в начале повествования, открытая концовка и т. д.; на оси выбора (парадигматики) — в намеренном нарушении категории прозрачности со стороны говорящего, приводящем либо к возникновению намеренной амбигуитивности, неоднозначности, либо к появлению имплицитов, требующих от коммуниканта определенного фонового знания, лингвогносеологической компетенции для декодирования — аллюзий, цитат, сентенций, деконпозиций фразеологических единиц, каламбуров и других средств создания разных видов юмора.

Постулат отношения («не отклоняйся от темы») в произведении может нарушаться на оси «автор —

рассказчик» или «автор — персонаж». Нарушение категории дистантности между автором и персонажем может проявляться: в сближении — несобственно-прямая речь, внутренний монолог, поток сознания и т. п.; отдалении (дистанционировании) — нарушение фокуса эмпатии, ирония, пародия и т. п. Нередким является и нарушение постулата отношений между автором и читателем/переводчиком при отсутствии у адресата логико-гносеологической компетенции или нужных пре-суппозиций, это нарушение оказывает мистифицирующее воздействие и вызывает амбивалентные импликации.

Как упомянуто выше, в данном исследовании нас интересуют компоненты преимущественно языкового, особенно лексико-фразеологического, и речевого уровней текста. Такой подход оправдан специфическим стремлением избранных нами текстов фэнтези, носящих притчевый, аллегорико-символический, мифологический характер, к «свертке смыслов» и обусловленной ею символизации [13]. Единицы, в той или иной степени отвечающие признакам символа (многоярусность, многосмысленность (плюрисигнация), архетипичность, метафоричность/метонимичность, стереотипность культурных значений, анагогичность как связь с высшими смыслами, эзотеричность и т. д.), включают имена объектов-концептов, антропонимы, топонимы, абстрактные имена-концепты, афоризмы, пословицы, клише, прецедентные имена, лозунги, эпиграфы, стихотворные и прозаические вставки и пр.

Проясним особенности перевода имплицитной информации. Для ее адекватного перевода переводчик как минимум должен иметь близкие к совершенству языковые и культурологические знания, умения и навыки. Кроме того, у него, безусловно, должна быть хорошо развита смысловая догадка и критическая самооценка, потому что, осуществляя свою деятельность, он посвящает в переводимое произведение огромное количество людей.

Имплицитность имеет смысловую недосказанность, вычленение определенного смысла в тексте можно осуществить при помощи воображения и смысловой догадки. Для того чтобы произвести перевод с одного языка на другой, в частности с английского на русский язык, в предложении или сложном синтаксическом целом, содержащем имплицитность, необходимо увидеть и проследить языковое явление, затем выявить информацию о реальных действиях, которые присутствуют

в исследуемом предложении, обладать фоновыми знаниями, ознакомиться с необходимой литературой [15].

Вплоть до настоящего времени в отношении передачи имплицитности текста при переводе преобладала дескриптивная, а не нормативная концепция, предполагающая достаточно свободный подход. Согласно ему, передачу имплицитной информации можно осуществлять по двум основным стратегиям: с сохранением имплицитности и переводом скрытой информации в явно выраженную. В первом случае передача импликаций достигается при помощи: 1) воспроизведения языкового материала оригинала; 2) модификации языкового содержания исходного текста. Во втором случае для экспликации имплицитной информации переводчик прибегает: к 1) конкретизации значений; 2) перефразированию с добавлением лексики. Задача переводчика заключается в создании текста, удобного для прочтения, с сохранением своеобразия подлинника [6; 9].

Анализ имплицитности на материале «Вселенной Элдерлингов» Робин Хобб

1. Имплицитность говорящих имен

Рассмотрим пример перевода скрытого смысла говорящих имен в «Саге о Видящих» Робин Хобб. Иногда особенности языка, на который осуществляется перевод произведения, очень затрудняют задачу переводчика. Поскольку имена собственные могут быть «говорящими» и в них может присутствовать имплицитный смысл, задача усложняется вдвойне. Кроме того, зачастую имена собственные имеют глубинный культурный смысл.

В «Саге о Видящих» присутствует большое количество говорящих имен, несущих символический смысл. Судьбы и характеры главных и второстепенных героев в этом произведении изначально как бы определяются именами. При этом макроконтент произведения обнаруживает определенную парадоксальность или даже иронию в отношении героев: имя каждого определяет какую-то часть его судьбы, но тем не менее его конкретные поступки могут противоречить предопределенности. Отталкиваясь от говорящих имен, читатель видит, что каждый герой несет в себе что-то изначально заложенное, наделяющее его особенностями на фоне других; к примеру, Тэйкер — это тот, кто завоевывает. Однако в процессе развертывания сюжета герои проявляют и другие, в том числе противоположные, черты характера. Тэйкер

проигрывает, принц Чивэл, случается, совершает нерыцарские поступки, а леди Пейшенс проявляет нетерпение.

Большинство говорящих имен оригинала сохраняют английскую форму, переводятся с помощью транскрипции/транслитерации, иногда с видоизменениями (Чивэл), что ставит перед переводчиками задачу передачи их имплицитного смысла. В. А. Разумовская полагает, что декодировать скрытый смысл говорящих имен помогает переводческий комментарий, однако его присутствие в больших количествах представляет определенную проблему в художественном тексте, так как он может урезать удовольствие от чтения. Переводчик Мария Юнгер, встретившись с данной проблемой, прибегает к приему экспликации значений, которая достигается введением глоссария в конце книги. В глоссарии, помимо имен, приводятся «клички» героев и их краткое описание. Русскоязычный читатель, обращаясь к глоссарию в конце книги, может понять скрытый смысл.

Оригинал	Перевод
Take his name was, quite simply, and perhaps with that naming began the tradition that daughters and sons of his lineage would be given names that would shape their lives and beings	Тэйкер Завоеватель — таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры

Прием добавления клички эксплицирует и подчеркивает смысл говорящего имени. Также во избежание потери смысла время от времени делается контекстуальное пояснение говорящих имен, что приводит к отступлению от принципа полной структурной эквивалентности текстов.

Оригинал	Перевод
Lady Patience, she who was queen-in-waiting to Chivalry's king-in-waiting, came originally of inland stock	Леди Пейшенс Терпеливая, королева при наследном принце Чивэле Рыцарственном, была родом из семейства, происходящего из Внутренних герцогств. Пейшенс обнаруживает не только терпение, но и настойчивость

Имплицирование смысла имен, пояснения и добавления доносят до читателя мысль о том, что имена и предопределенность, связанная с ними, важны, но далеко не всегда они определяют истинный путь человека. И мы это понимаем, когда Леди Терпение срывается, когда Принц Истина

говорит противоречивые вещи. На этапе понимания имен в контексте всего произведения читатель должен уяснить эту импликацию, глобальный скрытый смысл: мы сами творим свою судьбу, неважно, как кто-либо назван и каково его предназначение, в зависимости от его действий его судьба может развиваться абсолютно по-другому.

2. Имплицитность магических терминов

Перейдем к анализу импликаций из магических терминов оригинала и перевода произведения. В романе всячески порицается магическое умение под названием Wit и превозносится умение, которое называется Skill. Некоторые переводчики используют при переводе этих абстрактных понятий транскрипцию/транслитерацию — «Уит», «Скилл» — с контекстуальным пояснением. Такой способ перевода, очевидно, не способствует передаче их имплицитного смысла в полном объеме и насыщает текст отвлекающими внимание варваризмами, но он в настоящее время считается правильным. С другой стороны, в ранних переводах использованы термины «Дар» и «Сила», которые являются продуктом контекстуальной замены. Будучи более приемлемыми с точки зрения гармонизации перевода, эти термины вызывают сомнение с точки зрения импликаций.

Оригинал	Перевод
Folklore tells of an even older magic, much despised now, known as the <i>Wit</i>	В фольклоре упоминается еще более древняя магия, ныне повсеместно презираемая. Она известна нам под названием <i>Дар</i>

В оригинале способность Wit (букв. ум, остроумие) подразумевает презираемую народом того края природную, «животную» интуицию, точнее, телепатическое понимание живой природы. Эта способность изначально не имела негативной окраски, но приобрела ее со временем. При переводе были произведены трансформации генерализации и контекстуальной замены. Получившийся в результате термин «Дар» не подходит по эмоциональной оценке способности, описываемой в произведении. На наш взгляд, здесь уместнее было бы использовать более коннотативно нейтральный термин, например «Интуиция» или «Единение», — последний термин получен в результате трансформации метонимического переноса (смыслового развития). Единение определяется как тесная связь, сплоченность и един-

ство, здесь же оно означает интуитивное единение с природой. То, что варианты «Единение» или «Интуиция» соответствуют замыслу автора, подтверждается фактологией книги «Миссия Шута» из «Вселенной Элдерлингов».

Перейдем к импликациям и переводу следующего вида магии — Skill:

Оригинал	Перевод
For instance, the ability for the magics known as the Skill is tied closely to blood relationship to the royal Farseer lin. One trained in the <i>Skill</i> is able to reach out to another's mind, no matter how distant, and know what he is thinking	Например, способность к магии, называемой Силой, чаще всего встречается у представителей королевской династии Видящих. Тот, кто умеет управлять <i>Силой</i> , способен услышать мысли другого человека, как бы далеко друг от друга они ни находились

Skill (букв. мастерство, искусность, искусство; сноровка; опыт, умение, навык) в произведении означает «способность человека, относящегося к древнему роду, своим разумом достигать разум других всевозможных человекоподобных существ и самого человека, читать их мысли, получать информацию их органов чувств, а также управлять поступками этих людей, внушая им на подсознательном уровне определенные действия». Вариант перевода «Сила» подобран с помощью метонимического переноса, он нейтрален и, что любопытно, фонетически созвучен слову Skill. В его пользу говорит также то, что упоминание о силе можно встретить достаточно часто в жанрах фэнтези, мифах, героических эпохах и т. п. Но, поскольку данное слово означает не интеллектуально-волевые характеристики, а физическую развитость и могущество, импликации могут увести читателя далеко от правильного понимания. Поэтому, мы полагаем, наиболее адекватным был бы эквивалентный словарный перевод, причем из всех вариантов предпочтителен вариант «Навык», показывающий, что человек достигает способности своим умом, работой над собой.

Также в произведении присутствуют производные от представленных видов магии, ниже мы предлагаем варианты перевода:

- 1) witted — наделенный Интуицией;
- 2) wit-bond — интуитивная связь;
- 3) wit-gifted — одаренный Интуицией;
- 4) skilled — обладающий Навыком;

- 5) to skill — применять Навык;
- 6) skillmaster — мастер Навыка;
- 7) skilluser — пользователь Навыка.

Разберем номинацию Hedge magics, в переводе «магия Ограждения»:

Оригинал	Перевод
There are the <i>Hedge magics</i> , though I have never been able to determine the source of this name. These are magics both verified and suspect, including palm reading, water gazing, the interpretation of crystal reflections, and a host of other magics that attempt to predict the future	Существует несколько разновидностей <i>магии Ограждения</i> , хотя мне никогда не удавалось понять, каким образом данное название появилось. Действительность подобного волшебства часто ставится под сомнение, но имеет за собой и подтверждения. Это и чтение по ладони, и гадание по воде, по отражениям хрустала, и множество других мистических техник, имеющих целью заглядывать в будущее

Словарное значение Hedge подразумевает, что данная магия ограждает от чего-то, однако в книге ее описание предполагает более широкий смысл: предсказание будущего, совет, колдовство на удачу и пр. Вариантом, передающим указанные смежные умения и не акцентирующим смысла, уводящего от логики повествования, будет «Ворожба». Трансформации, используемые в таком переводе, — генерализация и смысловое развитие.

3. ИмPLICITный смысл поэтических вставок и общесмысловых высказываний

Одним из наиболее сложных элементов при переводе имплицитной информации в произведениях жанра фэнтези является поэзия, ибо поэтические вставки в них чаще всего иносказательны. Кроме того, при переводе поэзии следует соблюдать не только содержательную, но и формальную эквивалентность, в тексте перевода должны присутствовать ритм и рифма. Это осложняет процесс перевода, и могут возникнуть ошибки или потеря информации. В «Саге о Видящих» также встречается поэзия. Разберем отрывок:

Оригинал	Переводы
...In that last dance of chances	...Последний танец — танец надежды...
We shall know each other's minds.	Истает, порвется нить. Узнать друг друга
We shall part with our regrets	— и все потерять, И жить... и не жить...
When the tie no longer binds	не жить. В. А. Гольдич, И. А. Оганесова

Четверостишие является частью стихотворения, завершающего повествование. Вкратце его смысл можно сформулировать так: во время последней встречи герои познают мысли друг друга и расстанутся без сожалений, когда их уже не связывают никакие узы. В переводе используются перестановки, добавления, многочисленные случаи смыслового развития, иногда не выражающие импликации оригинала.

Dance of chances (танец случайностей, рискованный танец) также подразумевает магию, этот смысл имплицитно фактологическим контекстом произведения, но в переводе — «танец надежды» — он утрачивается. Далее в переводном варианте фраза «когда узы нас более не связывают» переводится как «истает, порвется нить». Эта строка несет в себе более слабую экспрессивность по сравнению с оригиналом. В оригинале подводка к мысли о том, что связь между героями потеряна, по создаваемому впечатлению выглядит сильнее, предположительно из-за того, что слово bond (связь, узы) является чем-то более очевидным и крепким по сравнению с нитью. К тому же в переводе соответствующая строка поставлена не в конце, где автор подводит итог и завершает повествование, а второй, что нарушает композицию стихотворения. Последней фразой в переводе является изречение о жизни как полужизни-полу-смерти, что, собственно, не закладывалось в стихотворение. На наш взгляд, здесь прием смыслового развития был применен переводчиками неуместно. Нарушилась структура повествования, в результате смысл перестал соответствовать авторскому замыслу.

Итак, при переводе произведений, имеющих имплицитный смысл, особенно поэзии, где наряду с содержанием форма играет большую роль, очень важно определить структуру и композицию произведения, с помощью которых передается скрытый смысл, иначе может быть полная потеря информации, заложенной автором.

Довольно частое явление в художественных произведениях жанра фэнтези — общесмысловые высказывания, умозаключения или сентенции, принадлежащие персонажам или повествователю, которые обладают большой информационной насыщенностью. Одни из них являются двигателями сюжета, другие отражают философию героев и через них — автора, третьи являются отражением культурных аллюзий. Особенно примечательны с имплицитной стороны изречения, которые используются как цитаты, эпиграфы и т. п.

Безусловно, в этих изречениях может присутствовать имплицитная информация, особенно в художественных произведениях. Проанализируем следующий пример:

Оригинал	Перевод
Look forward, not back. Correct your course and go on. You cannot undo yesterday's journey. (Mad Ship, 1998, Robin Hobb)	Смотри вперед по курсу, а не за корму! Перелож руль — и полный вперед! Все равно вчерашней волны не вернешь! (М. Семенова, 2017)

Оригинал выстраивает глубокую символическую цепочку: «Смотри вперед, а не назад. Скорректируй курс и продолжай путь. Все равно вчерашнее плавание нельзя изменить (= Думай о будущем, а не о прошлом. Пересмотри свои цели и продолжай жить. Прошлые события, прошлую жизнь не исправить). Представленный перевод, несмотря на выразительность и обеспечение гармоничного ритмического рисунка, не лишен недостатка, который мы усматриваем в чрезмерной конкретизации. Этот прием, вероятно, соответствует идиостилю переводчика, однако он ослабляет четкие акценты, подводящие к импликациям, которые имеются в оригинале. В переводе информация конкретизируется, становится более образной, но поверхностной по смыслу. В первом высказывании вводится метафора с дескрипторами «по курсу», «не за корму», которые косвенно актуализируют значение судьбы, но делают это слабо, перенося внимание на образность и убирая абстрактность. Второе высказывание — «Перелож руль — и полный вперед» — привносит дополнительный смысл и вновь акцентирует эксплицитные образы. Кроме того, разговорное «перелож руль» в отличие от более нейтрального *correct your course* в большей степени имплицитно замешательство героя. Последняя часть, кульминационная («вчерашней волны не вернешь!») возвращает имплицитный смысл за счет эпитета «вчерашней» и предиката «не вернешь», однако заменяет прямую метафору жизни и судьбы — *journey* — более слабым образом волны.

Итак, между оригиналом и переводом имеется разница в степени абстракции и символической глубины, а также в экспрессивности и детальности образности. В переводном фрагменте внимание реципиента концентрируется на декодировании образно-фактологических деталей, и импликация осознается намного слабее, чем в оригинале. Впрочем, так или иначе читатель приходит к пониманию имплицитного смысла.

Психолингвистика имплицитности и перевод

Интерес представляет сам механизм передачи имплицитной информации, а также процесс ее вычленения. Как во многих произведениях фэнтези, во «Вселенной Элдерлингов» имплицитность появляется в результате иносказания, усиленного эффектом обманутого ожидания. Так, изначально читатель догадывается о значении имени, затем герой своими поступками демонстрирует противоположные этому значению вещи, и читатель начинает задумываться, что не все так просто, не все то, чем кажется. Вообще иносказание как способ передачи информации весьма полезно, им можно передавать будущим поколениям визионерскую информацию, не подходящую для времени актуального написания произведения, или же информацию, которая запрещена в рамках политической или культурной цензуры. В жанре фэнтези иносказание, нередко усиленное парадоксальностью обманутого ожидания, порождает мистифицирующий эффект, завораживает и вызывает острый интерес. Оно намекает на существование некоего герметичного знания и приглашает читателя найти к нему ключ.

Однако иносказание не означает, что в интерпретации соответствующих высказываний и их переводе допустима большая свобода. Чаще всего оно имеет направленный характер, кодируя имплицитный смысл. Одновременно в текстах такого рода алгоритмируется воздействие на читателя, направляется декодирование им смысла. Поэтому свобода переводчика в обращении с такого рода текстами должна быть умеренной.

Немаловажно отметить, что реципиент получает имплицитную информацию через призму своей культуры, мировоззренческих парадигм, стереотипов. Поскольку имплицитная информация является неявной, но неотъемлемой частью структуры произведения, перед переводчиком стоит масштабная задача анализа и переработки информации оригинала и обеспечения ее доступности для адресата. При этом скрытая информация иногда бывает настолько зашифрована, что переводчик, даже распознав ее, может лишь догадываться о ее истинном значении. В свою очередь его перевод может вводить в заблуждение. А стоит учесть, что любое использование языка предполагает воздействие на восприятие мира и способ его структурирования [2]. И это снова подводит нас к необходимости по возможности придерживаться структуры и содержания оригинала.

Из сказанного следуют определенные выводы:

1) Сам язык и текст, созданный на нем, воздействуют на способ структурирования информации читателем.

2) За счет того, что системы языка могут порой кардинально различаться, в языке существует проблема непереводимости. Кодирование и декодирование информации зависит от особенностей языка, и, хотя элементы произведений можно воссоздать на другом языке, они могут нести в себе информацию, которая будет иметь отличия. Также может возникнуть ситуация, при которой некоторые структуры невозможно воссоздать.

3) ИмPLICITная информация представляет собой структуру, не имеющую самостоятельных средств выражения, тем не менее она достигает адресата при помощи определенного воздействия, оказываемого эксплицитными средствами. Для того чтобы передать имPLICITную информацию, переводчику нужно прежде всего воссоздать способ воздействия, его структуру и этапность. Нужно избрать способ воздействия на языке перевода, который активизирует аналогичную когнитивную деятельность реципиента, задействует соответствующие знания о мире, заставит сопоставлять их с текстовой информацией и приведет к осознанию имPLICATION.

Для проверки эффективности передачи имPLICITной информации в переводах фэнтези мы провели небольшой интерпретационный эксперимент. Четырнадцать респондентам был предъявлен перевод фрагментов с более или менее точным воссозданием структуры оригинала. Затем с отсрочкой тем же респондентам были предложены переводы с отступлениями от оригинала и множественными трансформациями. Вопрос после каждого фрагмента звучал так: «Что вы поняли из прочитанного?» Полученные интерпретации сопоставлялись с имPLICITными смыслами оригиналов и таким образом выявлялась степень понимания их респондентами.

Первый фрагмент касался выше проанализированной аллегорической сентенции: *Look forward, not back. Correct your course and go on. You cannot undo yesterday's journey.* Группе респондентов был предложен более точный вариант ее перевода, в котором выбраны средства передачи имPLICITной информации, практически эквивалентные средствам в оригинале: «Смотри вперед, а не назад. Скорректируй курс и продолжай путь. Все равно вчерашнее плавание не изменить». Затем респондентам предложили ту же сентенцию в переводе Марии Семенович: «Смотри вперед по курсу, а не за корму! Переложил

руль — и полный вперед! Все равно вчерашней волны не вернешь!» В первом случае 13 человек из 14 выразили смысл, аналогичный оригиналу. Во втором случае мнения разделились. Два человека интерпретировали смысл согласно задумке оригинала. Шесть человек восприняли перевод буквально, полагая, что первые две фразы говорят об управлении кораблем, а последняя — что вчерашний день уже не вернуть. Оставшиеся интерпретировали фрагмент далеко от оригинала, в том числе акцентируя погодные условия во время плавания.

Второй фрагмент был взят не из «Вселенной Элдерлингов», но из «Властелина колец» Дж. Толкиена, а именно сочиненное для Арагорна Бильбо Бэггинсом стихотворение: *All that is gold does not glitter, / Not all those who wander are lost; / The old that is strong does not wither, / Deep roots are not reached by the frost. / From the ashes a fire shall be woken, / A light from the shadow shall spring; / Renewed shall be blade that was broken, / The crownless again shall be king* (J. Tolkien, 1954). Респондентам были даны для интерпретации гармоничный по форме, но свободный и содержащий дополнительные имPLICATION перевод Андрея Кистяковского и более точный по смыслу, следующий композиционной структуре оригинала перевод Аркадия Застырца. В первом случае лишь один респондент выявил скрытый смысл адекватно и относительно полно, во втором случае — 12 респондентов.

Таким образом, варианты переводов, которые не соблюдают структуру и последовательность воздействия оригинала на читателя, не направляют декодирование этим читателем имPLICITного смысла оригинала. Эксперимент показал, что такие переводы могут вызывать непонимание не только скрытого, но даже и явного смысла. Важно учитывать, что достичь стопроцентной передачи информации достаточно сложно, поэтому следует стараться следовать замыслу и стратегиям автора.

Заключение

Нами была выдвинута гипотеза, что, если воссоздавать авторскую модель воздействия на читателей и следовать композиции и структуре произведения, то процесс донесения имPLICITного содержания до читателей будет осуществляться более эффективно. В результате практического исследования данная гипотеза была в основном подтверждена. Структурно-содержательное соответствие перевода оригиналу — минимальное условие и действенный прием для обеспечения

передачи импликаций, несоблюдение которого чревато утратой имплицитного смысла, а в некоторых случаях и эксплицитного. В этой связи оптимальной процедурой при переводе, вероятно, будет соблюдение в переводе тематической сетки (поля) оригинала, а также возможный обсчет соответствий оригинала и перевода по набору, комбинаторике и размещению, вкупе с определением композиционной привязки тематических линий [5].

Отметим, что при переводе имен собственных вполне приемлема транскрипция/транслитерация, а передача имплицитной информации эффективно осуществляется при помощи приведения русского эквивалента (в виде «клички») и экспликации (в виде пояснения в глоссарии). Имена абстрактных понятий (в нашем случае означающих магические способности) могут быть переведены с по-

мощью транскрипции/транслитерации с экспликацией, но с точки зрения имплицитного смысла предпочтительнее переводить их словарным эквивалентом либо с применением генерализации, смыслового развития. Перевод поэтических вставок и общесмысловых высказываний наиболее сложен, в нем, как правило, используются перестановки, добавления, трансформации смыслового развития, конкретизации и генерализации. Многочисленные трансформации в поэтических и общесмысловых фрагментах нередко искажают импликации оригинала. Особенно осторожно следует использовать смысловое развитие и добавления, которые встречаются в переводе поэзии и общесмысловых высказываний достаточно часто. Смысл фрагмента может быть искажен; более того, новые элементы могут разрушить саму концепцию произведения.

Литература

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83—92.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / пер. с нем. Е. Г. Казакевич // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. ст. М.: Прогресс, 1987. С. 131—169.
3. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 23—34.
4. Борисенко Т. В., Губайдуллина М. С. Фантазийная картина мира в произведениях жанра фэнтези // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 37—42.
5. Бородина Н. В., Бортников В. И., Шишкина Е. Н. Тематическая сетка как инструмент определения эквивалентности перевода оригиналу // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1 (447). Филологические науки. Вып. 123. С. 14—25.
6. Васильева В. А. Специфика перевода имплицитной информации на примере художественного текста // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 1. С. 53—55.
7. Демьянков В. З. О техниках понимания имплицитной речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта; Светлогорск, 2006. С. 34—52.
8. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37—47.
9. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2003. 153 с.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
11. Мартынов В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Минск: Изд-во Европ. гуманитар. ун-та, М., 2001. 140 с.
12. Молчанова Г. Г. Семантика художественного текста (имплицитивные аспекты коммуникации). Ташкент: Фан, 1988. 163 с.
13. Молчанова Г. Г. Вербальный символ и маркетинговые коммуникативные стратегии текста // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 9—26.
14. Молчанова Г. Г. Текст как двухмерная эксплицитно-имплицитная структура // Семантика и типология разносистемных языков. Ташкент: ТашГУ, 1986. С. 120—127.

15. Невинная А. Д. Имплицитность и ее виды. Екатеринбург: ИДОПП УрФУ, 2005. 12 с.
16. Нефедова Л. А. Когнитивные особенности представления имплицитности в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 31—34.
17. Оганезова Т. С. Проблема отграничения имплицитности от смежных понятий и явлений // Гуманитарные исследования. 2011. № 2 (38). С. 75—84.
18. Шелестюк Е. В. Семиотика: учеб. пособие. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. 147 с.
19. Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике // Вопросы романо-германской филологии: Синтаксическая семантика: сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та им. М. Тореза. М., 1977. Вып. 112.
20. Todorov Tz. Theories of the symbol. Ithaca (N.Y.), 1982.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Киль Иван Павлович — студент специальности «Перевод и переводоведение» Костанайского филиала Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан. zaranak.zigloz@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 168—179.

THE IMPLICIT CONTENT OF THE TEXT AND THE PROBLEM OF ITS INTERPRETATION (CASE STUDY OF ROBIN HOBB'S TRILOGY "REALM OF THE ELDERLINGS")

E. V. Svelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

I. P. Kiel

Chelyabinsk State University, Kostanay Branch, Kostanay, Kazakhstan

The article discusses the problems of the implicit meaning of the fantasy-genre imaginative texts and the translation of implicit meanings in these texts. We are interested in the language and speech levels of the analysis of the implicit content of the original and translation, we study individual, although key symbolic units of the text. Particularly this article examines the implications of "speaking names", symbolic abstract concepts, poetic insertions and general impersonal statements. Such an approach is justified due to the tendency of fantasy texts, which are parabolic, allegorical-symbolic, mythological in character, to contract verbiage and produce symbols. Many language and speech units of fantasy genre bear distinct signs of symbol: they are multi-tiered, multi-dimensional, archetypal, metaphoric/metonymic, reminiscent of cultural stereotypes and values, anagogical, esoteric, etc. Along with the implicit meaning of the above-mentioned units in the original, the principles of implicit meanings translation are studied, specific interpretations are evaluated for their implicit meanings in comparison with the originals.

Keywords: *implicitness, implicit, implicit meaning, convolution of meaning, symbolization, world image modeling.*

References

1. Arnold I. V. (1982) *Voprosy yazykoznaviya*, no. 4, pp. 83—92 [in Russ.].
2. Blakar R. M. (1987) *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, Progress. Pp. 131—169 [in Russ.].
3. Bondarko A. V. (2006) *Eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Explicit/implicit expression of meanings]. Kaliningrad, Svetlogorsk. Pp. 23—34 [in Russ.].

4. Borisenko T. V., Gubaydullina M. S. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (423), pp. 37—42 [in Russ.].
5. Borodina N. V., Bortnikov V. I., Shishkina E. N. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (447), pp. 14—25. [in Russ.].
6. Vasil'yeva V. A. (2016) *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*, no. 1, pp. 53—55 [in Russ.].
7. Dem'yankov V. Z. (2006) *Semantiko-diskursivnyye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Semantic-discursive studies of the language: the explicitness/implicitness of the expression of meanings]. Kaliningrad, RSUH; Svetlogorsk. Pp. 34—52 [in Russ.].
8. Dolinin K. A. (1983) *Voprosy yazykoznanija*, no. 6, pp. 37—47 [in Russ.].
9. Kashichkin A. V. (2003) *Implitsitnost' v kontekste perevoda* [Implications in the context of translation. Thesis]. Moscow. 153 p. [in Russ.].
10. Leont'yev A. A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of psycholinguistics]. Moscow, Smysl. 287 p. [in Russ.].
11. Martynov V. V. (2001) *Osnovy semanticheskogo kodirovaniya. Opyt predstavleniya i preobrazovaniya znaniy* [Basics of semantic coding. Experience and conversion of knowledge]. Minsk, European University of Humanities; Moscow. 140 p. [in Russ.].
12. Molchanova G. G. (1988) *Semantika khudozhestvennogo teksta (implikativnyye aspekty kommunikatsii)* [Semantics of artistic text (implicative aspects of communication)]. Tashkent, Fan. 163 p. [in Russ.].
13. Molchanova G. G. (2012) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 3, pp. 9—26 [in Russ.].
14. Molchanova G. G. (1986) *Semantika i tipologiya raznosistemnykh yazykov* [Semantics and typology of different-system languages]. Tashkent, TashGU. Pp. 120—127 [in Russ.].
15. Nevinnaya A. D. (2005) *Implitsitnost' i yeye vidy* [Implicitness and its types]. Yekaterinburg, IDOPP UrFU. 12 p. [in Russ.].
16. Nefedova L. A. (2013) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, no. 24 (315), pp. 31—34 [in Russ.].
17. Oganezova T. S. (2011) *Gumanitarnyye issledovaniya*, no. 2 (38), pp. 75—84.
18. Shelestyuk Ye. V. (2006) *Semiotika* [Semiotics]. Chelyabinsk. 147 p. [in Russ.].
19. Shendels E. I. (1977) *Voprosy romano-germanskoy filologii: Sintaksicheskaya semantika* [Questions of Romano-German philology: Syntax semantics: Collection of scientific papers. Iss. 112]. Moscow [in Russ.].
20. Todorov Tz. (1982) *Theories of the symbol*. Ithaca. [N.Y.].